

свое возбуждение, помня совет Горация:

Гнев – безумье на час. Обуздывай нрав. Не владеешь

Им – овладел он тобой. Полони ж, истомил его в узах.

Франциск

Признаюсь, эти слова поэта и многие подобные советы философов принесли мне некоторую пользу, но более всего помогала мне мысль о том, что жизнь коротка, ибо какое исступление – тратить на ненависть к людям и на их пагубу те немногие дни, какие мы проводим среди них! Внезапно наступит последний день, – он погасит это пламя в людских сердцах, положит конец ненависти и, если мы не желаем нашему недругу ничего худшего, чем смерть, исполнит наше злое пожелание. Какой же смысл толкать к гибели себя и других? Зачем терять лучшую часть столь краткого времени? Когда даже при самой бережливой трате нам едва хватает отмеренных дней на пристойные радости настоящего и на размышления о будущей жизни, зачем же отнимать их от дел нужных и естественных и употреблять на горе и гибель себе и другим? И так полезно было мне это размышление, что, получив толчок, я не совсем падал, а если и падал, тотчас вставал на ноги. Однако донныне никакое усилие не могло привести к тому, чтобы я вовсе не был волнуем бурными дуновениями гнева.

Августин

Но так как я несколько не боюсь, что эти бурные дуновения причинят кораблекрушение тебе или кому-либо иному, то я охотно соглашаюсь, чтобы ты в этом деле довольствовался послаблениями перипатетиков, раз тебе не по силам принципы стоиков, обещающих с корнем вырвать все болезни души. Итак, оставляя пока в стороне этот предмет, я спешу перейти к вещам более опасным, требующим от тебя гораздо большей предусмотрительности.

Франциск

Милостивый Бог! Что же остается еще более опасного?

Августин Как пламенеешь ты жаром сладострастия!

Франциск

Порою так сильно, что горько жалею, зачем я не родился бесчувственным. Я предпочел бы быть неподвижным камнем, нежели игралищем многочисленных влечений моего тела.

Августин

Итак, ты знаешь, что, пожалуй, более всего отвлекает тебя от размышлений о божественном. Ибо что другое предписывает нам небесное учение Платона, как не удалять душу от плотских похотей и подавлять фантастические грезы, дабы она чистою и свободно поднималась к созерцанию божественных тайн, с которым нераздельно связано размышление о собственной брэнности. Ты знаешь, о чем я говорю; эти вещи близко знакомы тебе по книгам Платона, которые, по твоему недавнему признанию, ты жадно изучал.

Франциск

Я изучал их, признаюсь, с горячей надеждой и большим рвением, но новизна чужеземного языка и внезапный отъезд наставника принудили меня оставить мое намерение. Однако упомянутое тобою учение мне хорошо знакомо как по твоим сочинениям, так и по сообщениям других платоников.

Августин

Не важно, от кого ты узнал эту истину, хотя авторитет учителя часто много значит.

Франциск

Особенно для меня – авторитет того, о ком глубоко запали мне в душу слова, сказанные Цицероном в "Тускуланских беседах". "Если бы, – говорит он, – Платон и никакого не приводил довода, – я так высоко ценю его, что он убедил бы меня одним своим авторитетом". Мне же – а я часто размышляю о его божественном гении – показалось бы несправедливым, если бы Платону вменили в обязанность представлять доводы, тогда как пифагорейцы не обременяют этим вождя своей школы. Но чтобы не отвлекаться долее от предмета, и его авторитет, и собственный разум, и опыт издавна до такой степени освоили меня с этой мыслью Платона, что я не сомневаюсь: ничего не может быть сказано ни более верно, ни более благочестиво. Ибо по временам, когда Господь подавал мне руку, я поднимался настолько, что постигал с какою-то необычайной и безмерной радостью, что мне в те минуты было на пользу и что раньше – во вред; и ныне, когда я собственной тяжестью низринут в прежнее унижение, я с великой горечью чувствую, что меня сызнова погубило. Говорю это затем, чтобы ты не удивлялся моим словам, что я на опыте проверил это по-